Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 07.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3849-2026-3-210-216

БАЛАШОВ Константин Геннадьевич,
студент юридического факультета
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: balashoffkonstantin@yandex.ru

ПОЗДНЯКОВА Виктория Игоревна,
магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»,
e-mail: viktoriapozd@mail.ru

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ТРАНСФОРМАЦИИ ИСЛАМСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ УКРЕПЛЕНИЯ УММЫ К РАДИКАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ РЕГИОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА)

Аннотация. *Предметом исследования выступает феномен трансформации исламской идентичности в условиях современного информационного общества, рассматриваемый через призму амбивалентного воздействия социальных технологий на религиозное самосознание мусульманских сообществ Северного Кавказа. Анализируются правовая природа и типологическая структура социальных технологий как систематизированных инструментов целенаправленного воздействия на общественные отношения в религиозной сфере, механизмы их влияния на процессы консолидации уммы и радикализации исламской идентичности. Исследуются системные проблемы цифровизации религиозной коммуникации, создающей альтернативные каналы трансляции религиозного знания в обход традиционных институтов, а также выявляется практика применения цифровых платформ для распространения как умеренного традиционного, так и радикального религиозного контента в региональном контексте Дагестана, Чечни и Ингушетии.*

Методологическую основу исследования составляет комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания. Применение междисциплинарного подхода позволило рассмотреть трансформацию исламской идентичности на пересечении правовых, социокультурных и информационно-технологических аспектов. Использование системно-структурного метода обеспечило целостное восприятие социальных технологий в их взаимосвязи с конституционной безопасностью и правопорядком. Формально-юридический метод применялся при анализе федерального законодательства о противодействии экстремистской деятельности и терроризму. Метод типологизации использовался при классификации социальных технологий по масштабу, характеру воздействия и институциональному уровню. Компаративный региональный анализ применялся для изучения практики имплементации социальных технологий в мусульманских сообществах различных субъектов Северного Кавказа.

Научная новизна исследования заключается в комплексном выявлении принципиальной амбивалентности социальных технологий как правового инструментария, способного одновременно укреплять традиционные формы исламской солидарности и стимулировать деструктивные процессы религиозной радикализации. Впервые обоснована концепция критической зависимости вектора трансформации религиозной идентичности от комплекса детерминант правового, социально-экономического и культурно-образовательного характера, определяющих эффективность традиционных религиозных институтов и качество альтернативного умеренного контента. Сформулированы концептуальные предложения по совершенствованию правовой политики противодействия экстремизму, базирующиеся не на запретительных мерах ограничения доступа к радикальному контенту, а на комплексном подходе, сочетающем создание качественного религиозного контента, укрепление институционального потенциала традиционных организаций в цифровом пространстве и устранение социально-экономических факторов маргинализации молодежи. Выявлен механизм катализаторного воздействия цифровых технологий, многократно усиливающих уже существующие социальные процессы в зависимости от контекста их применения. Обоснована необходимость разра-

ботки дифференцированных правовых подходов к регулированию применения социальных технологий в религиозной сфере с учетом специфики конфессиональной среды и социокультурного контекста регионов.

Ключевые слова: *социальные технологии, исламская идентичность, религиозная радикализация, цифровизация религиозной коммуникации, Северный Кавказ, противодействие экстремизму, традиционные религиозные институты, конституционная безопасность, умма, правовое регулирование религиозной сферы.*

BALASHOV Konstantin Gennadievich,
Law student of FSBEI HE
"Southwestern State University"

POZDNYAKOVA Victoria Igorevna,
Master of Law Faculty of FSBEI HE
"South-West State University"

THE AMBIVALENCE OF SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE TRANSFORMATION OF ISLAMIC IDENTITY: FROM STRENGTHENING THE UMMAH TO RADICALIZATION (USING THE EXAMPLE OF SOME REGIONS OF THE NORTH CAUCASUS)

Annotation. *The subject of the study is the phenomenon of transformation of Islamic identity in the conditions of a modern information society, viewed through the prism of the ambivalent impact of social technologies on the religious identity of Muslim communities in the North Caucasus. The legal nature and typological structure of social technologies as systematized instruments of purposeful influence on social relations in the religious sphere, mechanisms of their influence on the processes of consolidation of the ummah and radicalization of Islamic identity are analyzed. It examines the systemic problems of digitalization of religious communication, which creates alternative channels for broadcasting religious knowledge bypassing traditional institutions, and also reveals the practice of using digital platforms to disseminate both moderate traditional and radical religious content in the regional context of Dagestan, Chechnya and Ingushetia.*

The methodological basis of the study is a set of general scientific and special legal methods of cognition. The application of an interdisciplinary approach made it possible to consider the transformation of Islamic identity at the intersection of legal, socio-cultural and information-technological aspects. The use of the system-structural method ensured a holistic perception of social technologies in their relationship with constitutional security and law and order. The formal legal method was used in the analysis of federal legislation on countering extremist activities and terrorism. The typologization method was used in the classification of social technologies by scale, nature of impact and institutional level. Comparative regional analysis was used to study the practice of implementing social technologies in Muslim communities of various subjects of the North Caucasus.

The scientific novelty of the study lies in the comprehensive identification of the fundamental ambivalence of social technologies as a legal tool that can simultaneously strengthen traditional forms of Islamic solidarity and stimulate destructive processes of religious radicalization. For the first time, the concept of the critical dependence of the vector of transformation of religious identity on a complex of determinants of a legal, socio-economic, cultural and educational nature, which determine the effectiveness of traditional religious institutions and the quality of alternative moderate content, was substantiated. Conceptual proposals were formulated to improve the legal policy against extremism, based not on prohibitive measures to restrict access to radical content, but on an integrated approach that combines the creation of high-quality religious content, strengthening the institutional capacity of traditional organizations in the digital space and eliminating the socio-economic factors of youth marginalization. The mechanism of the catalytic effect of digital technologies has been identified, which repeatedly strengthen existing social processes depending on the context of their application. The need to develop differentiated legal approaches to regulating the use of social technologies in the religious sphere, taking into account the specifics of the confessional environment and the sociocultural context of the regions, is justified.

Key words: *social technologies, Islamic identity, religious radicalization, digitalization of religious communication, North Caucasus, countering extremism, traditional religious institutions, constitutional security, ummah, legal regulation of the religious sphere.*

Введение

Трансформация исламской идентичности в условиях современного информационного общества представляет собой комплексный правовой и социокультурный феномен, требующий междисциплинарного научного осмысления в контексте обеспечения конституционной безопасности и защиты основ правопорядка Российской Федерации [5, с. 908]. Социальные технологии, выступающие инструментом конструирования религиозного самосознания мусульманских сообществ, обнаруживают выраженную амбивалентность воздействия на процессы формирования исламской идентичности, детерминируя разнонаправленные векторы развития – от консолидации уммы на принципах традиционного ислама и гражданской интеграции до стимулирования деструктивных форм религиозного радикализма, представляющих угрозу национальной безопасности [6, с. 121]. Особую научную и правоприменительную значимость данная проблематика приобретает применительно к регионам Северного Кавказа, где исторически сложившаяся поликонфессиональная среда, этнорелигиозная специфика и сохраняющиеся социально-экономические диспропорции создают особые условия для реализации социальных технологий, влияющих на трансформацию религиозного правосознания и поведенческих практик мусульманского населения.

Правовое регулирование противодействия экстремистской деятельности и идеологии терроризма, закрепленное в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ (ред. от 27.10.2025) «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральном законе от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) «О противодействии терроризму», актуализирует необходимость научного анализа механизмов воздействия социальных технологий на процессы радикализации исламской идентичности в региональном контексте. Дихотомия конструктивного и деструктивного потенциала социальных технологий проявляется в способности идентичных инструментов информационного воздействия, коммуникативных стратегий и организационных практик как укреплять традиционные формы исламской солидарности, способствующие правовой социализации и гражданской консолидации верующих, так и стимулировать формирование радикальных идеологических конструктов, легитимирующих противоправное поведение и насильственные формы политического протеста. Исследование данной амбивалентности на материале северокавказских регионов позволяет выявить специфические правовые, социальные и культурные детерминанты трансформации исламской идентичности, что создает методологическую основу для совершенствования государственной политики в сфере обеспечения межконфессионального мира, профилактики экстремизма и защиты конституционных прав граждан на свободу совести и вероисповедания.

Обсуждения и результаты

Социальная технология представляет собой систематизированную совокупность методологических приемов, процедурных механизмов и институциональных инструментов, направленных на целенаправленное воздействие на общественные отношения, коллективные образования и организационные формы социального взаимодействия в целях достижения заранее определенных результатов правового и социального характера [1, с. 47]. Этимологически данная дефиниция восходит к латинскому «socialis», обозначающему общественную природу явления, и древнегреческому «techne» в сочетании с «logos», что указывает на искусство систематизированного знания, применяемого для трансформации социальной реальности посредством регламентированных алгоритмов и нормативно обусловленных процедур человеческого взаимодействия в рамках институциональных структур.

Генезис концепции социальной технологии неразрывно связан с эволюцией представлений о методах нормативного регулирования общественных процессов и институционализации социальных изменений, при этом уже в античную эпоху философско-правовая мысль обращалась к проблематике дисциплинарных механизмов, педагогических практик и ритуальных процедур как инструментов легитимации социального порядка и формирования правосознания [2, с. 6]. Развитие письменной культуры и усложнение административно-управленческих систем способствовало формированию протоколов коллегиального принятия решений и регламентов трансляции правовых ценностей, а эпоха Нового времени, характеризующаяся урбанизационными процессами и институционализацией массового образования, ознаменовалась научным осмыслением механизмов социально-правового воздействия. К рубежу девятнадцатого и двадцатого столетий происходит формирование специализированных научных направлений, ориентированных на проектирование и имплементацию инновационных моделей социальной организации,

включая педагогическую юриспруденцию, социологию права и социальную инженерию, а двадцатое столетие ознаменовалось масштабным развитием коммуникативных технологий и организационно-правовых форм, что привело к созданию развитого инструментария социальных технологий от массового социального проектирования до медиатехнологий правовой информации.

Типологизация социальных технологий осуществляется по множественным основаниям, обусловленным плюрализмом социально-правовых явлений и институциональных форм общественной жизни, включая дифференциацию по масштабу разрешаемых социально-правовых проблем на универсальные и партикулярные, по уровню институционального воздействия на глобальные, региональные, национально-государственные и локальные, по характеру решаемых задач на функциональные, инновационные и технологии разрешения социально-правовых противоречий и конфликтов, а также по специфике воздействия на общественные процессы на формирующие, стимулирующие, ограничительные и деструктивные механизмы правового регулирования. Данная классификация позволяет систематизировать арсенал инструментов социально-правового воздействия и обеспечить адекватный выбор технологических средств в зависимости от характера регулируемых общественных отношений и институциональных целей правового регулирования [3, с. 41].

Практическое применение социальных технологий охватывает различные сферы правового регулирования, включая культурно-образовательную область, где осуществляется трансформация институтов публичных дискуссий и массовых коммуникаций, научную сферу, где технологизация обеспечила стандартизацию методов коллективной деятельности и создала институциональные предпосылки для интенсификации обмена знаниями, а также общественно-политическую область, где социальные технологии выступают важнейшим инструментом модернизации правовой системы, управления социально-правовыми конфликтами и формирования политики правовой идентичности и культурной преемственности. Ключевая специфика социальной технологии заключается в ее способности к алгоритмизации деятельности и процессуальной регламентации, что обеспечивает возможность многократного применения и тиражирования институциональных решений для разрешения типологически сходных социально-правовых задач в различных юрисдикциях и правовых системах.

А.А. Аргамакова в своих исследованиях отмечал, что применение социальных технологий в исламском мире требует глубокого понимания религиозно-правовых основ мусульманского общества и механизмов легитимации социальных изменений через призму шариатских норм [4, с. 75]. Действительно, специфика социального проектирования в странах с преобладающим мусульманским населением заключается в необходимости соотнесения технологических инноваций с фундаментальными принципами исламского права, где любое нововведение должно пройти процедуру богословско-правовой экспертизы на предмет соответствия базовым источникам мусульманского права. В этой связи разработка и внедрение социальных технологий в исламском контексте представляет собой сложный процесс адаптации современных управленческих практик к традиционной системе религиозно-правовых ценностей, что требует учета как универсальных принципов социального проектирования, так и партикулярных особенностей мусульманской правовой культуры.

С.В. Погорельская справедливо указывала на то, что исламская цивилизация исторически выработала собственный арсенал социальных технологий, основанных на институтах вакфа, закята, шуры и других механизмов общественной солидарности и коллективного принятия решений [6, с. 122]. Эти традиционные институты представляли собой отлаженные системы социального взаимодействия, где благотворительные фонды обеспечивали материальную поддержку нуждающихся слоев населения, обязательный налог служил инструментом перераспределения ресурсов и социального выравнивания, а коллегиальные формы обсуждения общественно значимых вопросов создавали легитимную основу для принятия управленческих решений на различных уровнях социальной организации. Современное переосмысление этих классических механизмов позволяет интегрировать их в новые модели социального управления, где традиционные исламские институты сочетаются с современными технологиями социальной работы, медиации и общественного участия.

Практическое применение социальных технологий в мусульманских странах охватывает широкий спектр направлений, включая образовательную сферу, где происходит модернизация традиционной системы исламского образования через внедрение новых педагогических методик при сохранении религиозного компонента обучения, систему социального обеспечения, где классические институты благотворительности трансформируются в современные механизмы социальной защиты населения, а также область разрешения конфликтов, где традиционные практики примирения адаптируются к условиям современного правосудия. Особое значение приобретают технологии формирования гражданского общества в условиях исламского правопорядка, где необходимо обеспечить баланс между религиоз-

ными нормами и современными стандартами участия граждан в общественно-политической жизни. При этом цифровизация социальных процессов в исламском мире требует разработки специальных подходов к регулированию информационного пространства с учетом религиозно-этических норм и культурных традиций.

Таким образом, социальные технологии для исламского мира представляют собой специфическую область социального проектирования, где универсальные методы управления общественными процессами должны органично сочетаться с религиозно-правовыми принципами и культурными особенностями мусульманского общества. Успешность их применения определяется способностью адаптировать современные управленческие практики к традиционным исламским институтам, обеспечивая тем самым легитимность социальных изменений в глазах религиозных авторитетов и широких слоев населения, что открывает перспективы для устойчивого развития мусульманских обществ в условиях глобализации при сохранении культурной идентичности и религиозных ценностей.

Социальные технологии, проникшие в религиозную жизнь мусульманских сообществ Северного Кавказа за последние два десятилетия, демонстрируют парадоксальную двойственность своего воздействия на исламскую идентичность. Онлайн-платформы, мессенджеры и социальные сети, первоначально воспринимавшиеся как нейтральные инструменты коммуникации, превратились в мощный фактор трансформации религиозного самосознания, причем вектор этой трансформации зависит от множества переменных – от образовательного уровня аудитории до качества религиозного контента и степени контроля традиционных религиозных институтов. Дагестан, Чечня и Ингушетия представляют собой показательные кейсы, где идентичные цифровые инструменты способствуют как консолидации умеренных мусульманских сообществ вокруг традиционных ценностей, так и распространению радикальных интерпретаций ислама среди молодежи, оторванной от классических форм религиозной социализации [8, с. 43].

Традиционная система передачи религиозного знания на Северном Кавказе базировалась на личном контакте между учителем и учеником, на авторитете мечети и устоявшихся формах общинной жизни. Цифровизация разрушила эту монополию, создав альтернативные каналы получения религиозной информации, где отсутствует фильтр опытных алимов, и где молодой человек может самостоятельно конструировать свою религиозную идентичность из фрагментов разнородного контента. Проблема усугубляется тем, что алгоритмы социальных сетей склонны создавать информационные пузыри, усиливая те взгляды, которые пользователь уже демонстрирует, что приводит к радикализации изначально умеренных позиций. Одновременно эти же технологии позволили традиционным религиозным авторитетам расширить свою аудиторию, проводить онлайн-лекции и создавать образовательные платформы, где молодежь получает доступ к качественному религиозному образованию без необходимости физического присутствия в медресе.

Анализ дагестанского кейса показывает, что те же Telegram-каналы служат площадкой и для умеренных проповедников, работающих в рамках Духовного управления мусульман, и для распространителей салафитских идей, критикующих традиционный суфийский ислам региона [9, с. 75]. Механизм работы здесь следующий: социальные технологии снижают барьеры входа в религиозную коммуникацию, делая каждого потенциальным религиозным авторитетом при наличии харизмы и навыков работы с аудиторией. Молодой человек, недовольный социальным положением или испытывающий кризис идентичности, находит в радикальном онлайн-контенте простые ответы на сложные вопросы и четкую картину мира, где есть явное разделение на своих и чужих. Привлекательность такого контента связана не столько с его теологической глубиной, сколько с эмоциональной насыщенностью, визуальной эстетикой и ощущением принадлежности к глобальному движению, что особенно важно для регионов с высоким уровнем безработицы и ограниченными возможностями социальной мобильности.

Решение этой проблемы требует не запретительных мер, которые лишь загоняют радикальный контент в закрытые каналы, а создания привлекательной альтернативы в виде качественного умеренного религиозного контента, адаптированного к цифровой среде. Опыт Чеченской Республики, где власти совместно с духовенством создали систему онлайн-образования и активно используют медийные инструменты для продвижения традиционного ислама, показывает эффективность такого подхода. Критически важным является вовлечение в производство религиозного контента молодых образованных мусульман, понимающих логику работы социальных сетей и способных конкурировать с радикалами на их поле. Параллельно необходима работа с социально-экономическими факторами, толкающими молодежь к поиску радикальных идентичностей – создание рабочих мест, образовательных возможностей и каналов социального лифта, которые давали бы альтернативу виртуальной самореализации в радикальных сообществах.

Ключевая проблема амбивалентности социальных технологий заключается в том, что они усиливают уже существующие тенденции, рабо-

тая как катализатор процессов, которые имели место и до цифровой эпохи. Если в обществе присутствует запрос на радикализацию, связанный с социальной несправедливостью, межэтническими напряжениями или кризисом традиционных институтов, социальные сети предоставят платформу для его реализации. Если же в регионе сильны традиционные религиозные институты, пользующиеся доверием населения, цифровые технологии помогут им масштабировать свое влияние [10, с. 159]. Дихотомия между укреплением уммы и радикализацией определяется не свойствами самих технологий, а контекстом их использования – образовательным уровнем пользователей, качеством альтернативного контента, эффективностью работы традиционных религиозных авторитетов и общим состоянием социально-экономической системы региона.

Таким образом, социальные технологии в контексте исламской идентичности на Северном Кавказе следует рассматривать не как автономный фактор трансформации, а как медиум, многократно усиливающий те процессы, которые определяются более глубокими социальными, экономическими и культурными переменными. Амбивалентность их воздействия свидетельствует о том, что борьба за исламскую идентичность молодого поколения ведется именно в цифровом пространстве, и победа в этой борьбе достанется той стороне, которая сможет предложить более убедительный нарратив, подкрепленный реальными возможностями для самореализации и социального признания. Политика в отношении религиозного контента должна строиться не на принципе ограничения доступа к информации, что в условиях цифровой эпохи практически невозможно, а на создании качественной альтернативы и устранении социальных причин, делающих радикальный дискурс привлекательным для молодежи.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что социальные технологии представляют собой сложноструктурированный правовой инструментарий регулирования общественных отношений в религиозной сфере, демонстрирующий принципиальную амбивалентность воздействия на процессы формирования исламской идентичности в условиях современного информационного общества. Концептуализация социальной технологии как систематизированной совокупности методологических приемов и институциональных инструментов целенаправленного воздействия на коллективное правосознание раскрывает её потенциал одновременно как механизма консолидации мусульманских сообществ на основе традиционных религиозно-правовых ценностей и гражданской интеграции, так и катализатора деструктивных процессов радикализации, создающих угрозы конституционной безопасности Российской Федерации. Типологическое многообразие социальных технологий, дифференцированных по масштабу институционального воздействия, характеру решаемых задач и специфике влияния на общественные процессы, обуславливает необходимость разработки дифференцированных правовых подходов к регулированию их применения в религиозной сфере с учетом специфики конфессиональной среды и социокультурного контекста регионов.

Анализ практики имплементации социальных технологий в мусульманских сообществах Северного Кавказа выявил критическую зависимость вектора трансформации религиозной идентичности от комплекса детерминант правового, социально-экономического и культурно-образовательного характера, среди которых определяющее значение имеют эффективность функционирования традиционных религиозных институтов, качество альтернативного умеренного религиозного контента и степень социальной интегрированности молодежи в легальные каналы самореализации. Цифровизация религиозной коммуникации, разрушив монополию традиционных форм трансляции религиозного знания, создала параллельные информационные каналы, где отсутствуют механизмы богословско-правовой экспертизы контента, что обуславливает риски самостоятельного конструирования религиозной идентичности на основе фрагментарного и зачастую радикализованного цифрового контента. Механизм амбивалентного воздействия социальных технологий заключается в их способности выступать катализатором уже существующих социальных процессов, многократно усиливая как конструктивные тенденции укрепления умеренного традиционного ислама при наличии эффективных религиозных институтов, так и деструктивные векторы радикализации в условиях социально-экономической депривации и кризиса традиционных механизмов социализации.

С позиций правовой политики противодействия экстремизму и терроризму ключевое значение приобретает признание того факта, что эффективное управление процессами трансформации исламской идентичности в цифровой среде не может ограничиваться исключительно запретительными мерами ограничения доступа к радикальному контенту, неизбежно приводящими к миграции экстремистской коммуникации в закрытые каналы и усилению конспиративности деструктивных сообществ. Оптимальная модель правового регулирования должна базироваться на комплексном подходе, сочетающем создание качественного умеренного религиозного кон-

тента, адаптированного к логике функционирования цифровых платформ, укрепление институционального потенциала традиционных религиозных организаций в цифровом пространстве, устранение социально-экономических факторов маргинализации молодежи и формирование системы правового просвещения, ориентированной на выработку критического отношения к радикальному онлайн-дискурсу.

Список литературы:

[1] Корольков, М. Д. Технология как социальный институт: технологии сквозь призму социальной онтологии Джона Сёрла / М. Д. Корольков // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2025. – № 3. – С. 45-50.

[2] Медова, Л. Р. Формы и методы социальной работы, социальные технологии, технологии социальной работы с семьей / Л. Р. Медова, М. А. Абдурзакова // технологии психолого-педагогической работы в современных условиях : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Оренбург, 26 августа 2017 года. – Оренбург: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2017. – С. 5-7.

[3] Колин, К. К. Технология как наука: социальные критерии эффективности новых технологий / К. К. Колин // Устойчивое инновационное развитие: проектирование и управление. – 2020. – Т. 16, № 1(46). – С. 39-48.

[4] Аргамакова, А. А. Прикладное социогуманитарное знание, социальные технологии и инженерия / А. А. Аргамакова // Epistemology & Philosophy of Science. – 2015. – Vol. 46, No. 4. – P. 70-84.

[5] Казак Кызы, Н. Роль элиты Центральной Азии в обеспечении стабильности и безопасности в религиозной сфере (результаты экспертного опроса) / Н. Казак Кызы, С. О. Жунушова // Вопросы политологии. – 2018. – Т. 8, № 11(39). – С. 906-914.

[6] Погорельская, С. В. Некоторые проблемы подготовки имамов в ЕС (на примере ФРГ) / С. В. Погорельская // Россия и мусульманский мир. – 2023. – № 4(330). – С. 118-128.

[7] Султанахмедова, З. Г. Специфика исламского экстремизма / З. Г. Султанахмедова // Исламоведение. – 2017. – Т. 8, № 2(32). – С. 37-54.

[8] Салимов, Ф. Н. Противодействие радикализации молодежи как инструмент обеспечения стабильности в обществе / Ф. Н. Салимов // Вестник Таджикского национального университета. – 2019. – № 2. – С. 41-47.

[9] Рулев, Б. Е. Исламский радикализм как фактор динамики конфликта на Северном Кавказе / Б. Е. Рулев // Международные отношения в глобальном измерении : Сборник научных трудов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025. – С. 74-79.

[10] Добаев, И. П. Исламский радикализм в международной политике (На примере регионов Ближнего, Среднего Востока и Северного Кавказа) / И. П. Добаев. – Ростов-на-Дону : Ростиздат, 2000. – 200 с.

References:

[1] Korolkov, M. D. Technology as a social institution: technologies through the prism of the social ontology of John Searle/M. D. Korolkov//Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy. – 2025. – № 3. - S. 45-50.

[2] Medova, L. R. Forms and methods of social work, social technologies, technologies of social work with the family/L. R. Medova, M. A. Abdurzakova//technologies of psychological and pedagogical work in modern conditions: a collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Orenburg, August 26, 2017. - Orenburg: Limited Liability Company “International Research Agency,” 2017. - S. 5-7.

[3] Colin, K. K. Technology as a science: social criteria for the effectiveness of new technologies/K. K. Colin//Sustainable innovative development: design and management. – 2020. - T. 16, NO. 1 (46). - S. 39-48.

[4] Argamakova, A. A. Applied socio-humanitarian knowledge, social technologies and engineering/A. A. Argamakova//Epistemology & Philosophy of Science. – 2015. – Vol. 46, No. 4. – P. 70-84.

[5] Kazak Kyzy, N. The role of the elite of Central Asia in ensuring stability and security in the religious sphere (results of an expert survey)/N. Kazak Kyzy, S.O. Zhunushova//Political science issues. – 2018. - T. 8, NO. 11 (39). - S. 906-914.

[6] Pogorelskaya, S.V. Some problems of training imams in the EU (on the example of Germany)/S.V. Pogorelskaya//Russia and the Muslim world. – 2023. – № 4(330). - S. 118-128.

[7] Sultanakhmedova, Z. G. Specifics of Islamic extremism/Z. G. Sultanakhmedova//Islamic studies. – 2017. - T. 8, NO. 2 (32). - S. 37-54.

[8] Salimov, F. N. Counteraction to youth radicalization as a tool for ensuring stability in society/F. N. Salimov//Bulletin of the Tajik National University. – 2019. – № 2. - S. 41-47.

[9] Rulev, B.E. Islamic radicalism as a factor in the dynamics of conflict in the North Caucasus/B.E. Rulev//International relations in the global dimension: Collection of scientific works. - St. Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2025. - S. 74-79.

[10] Dobaev, I.P. Islamic radicalism in international politics (On the example of the regions of the Near, Middle East and the North Caucasus)/I.P. Dobaev. - Rostov-on-Don: Rostizdat, 2000. - 200 s.